

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В62

Художественное оформление
Владимира Мачинского

Водолазкин, Евгений Германович.

В62 Идти бестрепетно : между литературой и жизнью / Евгений Водолазкин. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 409, [7] с. — (Новая русская классика).

ISBN 978-5-17-120118-0

Евгений Водолазкин — автор романов «Лавр», «Авиатор», «Соловьёв и Ларионов», «Брисбен», лауреат премий «Большая книга», «Ясная Поляна» и «Книга года». Его книги переведены на многие языки.

В новой книге «Идти бестрепетно» на первый план выходит сам автор. «Маленький личный Рай детства», история семьи, родные Петербург и Киев, Пушкинский Дом и занятия наукой, переход от филолога-медиевиста к писателю, впервые рассказанные подробности создания «Лавра», «Авиатора», «Брисбена»...

В откровенном и доверительном разговоре с читателем остается неизменной фирменная магия текста: в ряд к Арсению-Лавру, авиатору Платонову и виртуозу Глебу Яновскому теперь встает сам Водолазкин.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-120118-0

© Водолазкин Е.Г.
© ООО «Издательство АСТ»

Содержание

ДАЛЕКО-ДАЛЕКО...

ДЕТСКИЙ САД	11
ТАТЬЯНИН ДЕНЬ	24
ДАЛЕКО-ДАЛЕКО...	29
ЖДАНОВСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ МЕЖДУ ЛИТЕРАТУРОЙ И ЖИЗНЬЮ.....	39
КАКИЕ РАЗНЫЕ ПОХОРОНЫ	50
ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ВСЕГДА С ТОБОЙ	63
СЛУЖБА ПОПУТЧИКА	68
МОЯ ФУТБОЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ	79
ИЛЬИН ДЕНЬ.....	84
ДОМ И ОСТРОВ	89
СОВСЕМ ДРУГОЕ ВРЕМЯ.....	108

ПАМЯТИ ПИШУЩЕЙ МАШИНКИ

РУССКИЕ СПЕШАТ НА ПОМОЩЬ «ТИТАНИКУ»	127
Памяти пишущей машинки.....	141
Поэт Малой Садовой	146
Иди бестрепетно!.....	151
Фотография на фоне литературы.....	156
Мягко, но твердо	162
Время взросления.....	167
О старом и новом	172
О перемещении предметов	178
Дети пограничья.....	184
Русский акцент.....	189
Владыка.....	199
Настоящее время счастья.....	204

ПОСЛЕДНЯЯ РЕАЛЬНОСТЬ ОПТИМИЗМА

Слово как бытие.....	211
Пророк и его отечество	216
Не казаться, а быть	224
Последняя реальность оптимизма.....	228
Шато.ру	232
Прогулки с Шаровым	237

ИЗ ЖИЗНИ ПОЛИГЛОТОВ

Пушкинский Дом	245
Что мы можем сделать для Пушкина	251
Вопросы на ответы	260
Поющий в степи	273
Литература: будущее в прошедшем	288
Из жизни полиглотов	314
Информация и деформация	319
Знаки и значения	325
Загадка между бытом и бытием	330
БЛИЗКИЕ ДРУЗЬЯ. <i>Повесть</i>	345

ДАЛЕКО-ДАЛЕКО...

ДЕТСКИЙ САД

Названием учреждения мы обязаны немецкому педагогу Фридриху Вильгельму Августу Фрёбелю, но первый детский сад задолго до него организовал Роберт Оуэн. Это был тот Роберт Оуэн, которого старшее поколение помнит по принудительному изучению научного коммунизма. Даже те, кто справедливо называл коммунизм антинаучным, знали, что именно у Оуэна Маркс позаимствовал какие-то глупости, которые легли в основу коммунистической теории. Так что, подобно другому неисправимому мечтателю, основатель детского сада может быть определен как *тот самый Оуэн*.

Попав в детский сад лет около трех, я, признаюсь, ничего не знал ни о Фрёбеле, ни об Оуэне, но сама идея собирать население на закрытой территории уже тогда вызывала мое отторжение. Лаге-

ря — пионерские и другие, разного рода военные сборы, — всё это не рождало в душе моей радости. Еще меньше мне нравился коллективный труд — начиная с изготовления снежной бабы и оканчивая взрослыми масштабными задачами.

Не то чтобы я был против масштабных задач — нет, скорее, мне казалось (да и сейчас кажется), что они решаются путем персональных усилий. Мне могут возразить, что есть задачи, которые только коллективом и решаются — ну, скажем, создание *большой* снежной бабы. Здесь я, пожалуй, соглашусь. Да, большой снежной бабы в одиночку не слепишь. Но, может, и не нужна она такая? Мне кажется, я уже в детстве понимал, что для представительниц прекрасного пола размер — не главное.

В прежние годы было больше снега, и в детском саду мы только тем и занимались, что скатывали гигантские шары, толкая их втроем, а то и вчетвером. Тогда-то я осознал, что значит нарастать как снежный ком. Катимый нами ком с хрустом пожирал весь выпавший снег, оставляя за собой неровные, черные от прошлогодней листвы дорожки. Проблема состояла в том, что потом мы не могли поставить один ком на другой. Это было наказанием за гигантоманию. Сами себе мы напоминали Робинзона Крузо, вытесавшего лодку, которую не смог дотащить до воды. Чудовищных размеров колобки стояли до конца зимы и из всего, что в нашем саду было снежного, таяли последними.

Если быть точным, то детский сад у меня был не один, а два. Первый из них в силу возраста я помню смутно. От этого периода моей жизни осталось, за несколькими исключениями, четверостишие:

Это Ленин на портрете
В рамке зелени густой.
Был он лучше всех на свете —
И великий, и простой.

Можно было бы только удивиться, что из всех в-лесу-родилась-елочек в голове застряли именно эти строки, но удивляться здесь, собственно, нечему: компостирование мозгов в СССР начиналось еще во внутриутробный период. Текст зацепился в памяти строкой «В рамке зелени густой». Непосредственность детского восприятия не позволяла мне принять эту загадочную рамку, в то время как я видел, что детсадовский Ленин помещался в самой обычной деревянной рамке. До какого-то возраста я еще пытался дать таинственным строкам приемлемое объяснение, перенося, например, место действия в джунгли, но со временем понял, что остальные зарифмованные утверждения были еще более сомнительны.

Два детских сада слились в моей памяти в один, и я не вижу ничего дурного в том, чтобы объединить их и в этом повествовании. Второй детский сад здесь как бы поглощает первый, но имеет, по

сути, на это все права. Этот детский сад соответствовал своему названию в полной мере, потому что дети там гуляли в самом настоящем саду.

Для того чтобы в него попасть, следовало свернуть с улицы во двор и, войдя в одно из парадных, подняться на второй этаж. Вход в детский сад открывала обычная квартирная дверь. Дом стоял на небольшом холме, который в условиях городской застройки совершенно не был виден. Между тем, даже закрытый домами, холм оставался на месте и продолжал свое тайное существование. Он открывался лишь тому, кто, поднявшись на второй этаж, выходил с противоположной стороны дома. С этой стороны второй этаж становился первым. И там был выход в сад.

Сад, если мне не изменяет память, был фруктовый, а по периметру его росли акации. Вместе с холмом сад продолжал набирать высоту, но, поскольку дело шло уже к вершине холма, подъем был не очень заметен. По крайней мере, я не помню, чтобы перемещение по саду воспринималось бы как движение вверх или вниз. Именно в этом саду лепили снежных баб — зимой, а летом были другие занятия.

Например, дуэли. Точнее, одна дуэль, разыгравшаяся бесчисленное количество раз, — между Онегиным и Ленским. Актерский состав был стабильным: я и какой-то мальчик, чьего имени уже не помню. Побывав с родителями на «Евгении Онегине», оба мы были потрясены до глубины души.

Любовная коллизия нас оставила тогда равнодушными, но грозное «Теперь сходитесь!» произвело неизгладимое впечатление. В сцене дуэли я, в соответствии с именем, играл Онегина, а мой товарищ (уж не Владимир ли?) — Ленского.

Предполагаемый Владимир был толст и после моего выстрела падал крайне неловко. Он осторожничал, выбирал место на траве и зачем-то хлопал себя по ляжке. Я неоднократно показывал, как ему следует действовать, говорил, что здесь уж не выбирают, куда падать, но всё было тщетно. Покачавшись на полусогнутых ногах, он сначала касался земли рукой, а потом под треск сучьев валился на бок.

Любовную сторону «Евгения Онегина» я открыл уже не в детском саду — как и волшебную музыку этой оперы. Мне купили пластинку, и я слушал ее, пожалуй, чаще, чем стрелялся в свое время с Ленским. Выучив на память все арии, я пел их в меру своих скромных возможностей. И даже сейчас, когда я редко что-либо слушаю (и уже совсем не стреляюсь), после второй-третьей в дружеской компании всё еще могу что-то изобразить. Не уверен, что друзьям мое пение доставляет удовольствие, но на то они и друзья, чтобы идти на определенные жертвы. Корни же этого сомнительного вокала восходят, несомненно, к моим оперным дуэлям.

Нужно сказать, что дуэли относятся к самому позднему моему детсадовскому периоду. Это